

Когда он вышел за ворота больницы, его дыхание уже давно успокоилось. Набравшись наглости, он сказал:

— Мне гораздо лучше, я смогу закончить картину.

— Врач велел тебе исключить вредное из рациона.

Ли Сяньфу инстинктивно возразил:

— Но тебя из своего рациона я не исключал.

Сказав это, он невольно приподнял голову, безмолвно извиняясь за свою несдержанность:

— Прости. Видимо, из-за недостаточного притока крови к мозгу у меня помутилась логика.

Порыв ветра принес приятную прохладу. Ли Сяньфу слегка прикрыл глаза, но так и не смог до конца избавиться от легкого головокружения.

Его путанные мысли прервал раздавшийся рядом низкий голос:

— Идем.

Ли Сяньфу растерялся.

Цинь Цзинь бросил на него быстрый взгляд:

— Разве мы не собирались продолжить?

Ли Сяньфу приоткрыл рот, но ничего не сказал и, запоздало спохватившись, прижал к себе планшет для рисования и поспешил за ним.

Они шли друг за другом. Такая дистанция, напротив, помогла Ли Сяньфу расслабиться.

Не видя лица спутника, ему не приходилось скрывать свои истинные чувства или вымучивать вежливую улыбку. По правде говоря, с того самого момента, как у него закружилась голова, Ли Сяньфу пытался притвориться картиной, лишь бы никто не заметил его слабости.

Пока Цинь Цзинь не оборачивался, он мог не прятать сквозившую во взгляде усталость и внутреннее опустошение.

Словно почувствовав его состояние, Цинь Цзинь за всю дорогу действительно ни разу не обернулся. Он лишь изредка ронял пару слов, когда на пути попадалось что-то примечательное.

Напряжение окончательно отпустило Ли Сяньфу, и он начал просто наслаждаться открывающимися пейзажами.

Цинь Цзинь не стал возвращаться прежней дорогой, а повел его по более пустынной тропе, вокруг которой царила суровая, дикая красота, способная вдохновить поэта на искренние излияния.

— Кажется, ты хорошо здесь ориентируешься? — Ли Сяньфу первым нарушил молчание.

— Бывал здесь пару раз, — отозвался Цинь Цзинь. — Года идут, а тут почти ничего не

меняется.

Вернувшись к древнему дереву, обугленному ударом молнии, Ли Сяньфу учел прошлую ошибку и не стал торопиться. Дорога дала ему возможность полностью освободить разум от лишних мыслей. За одну только минуту он мысленно заставил Цинь Цзиня снять рубашку раз тридцать. Если поначалу у него от этого перехватывало дыхание, то теперь он воспринимал этот образ совершенно спокойно.

— Можно начинать, — сказал он.

Цинь Цзинь заметил, что, пока он расстегивал пуговицы, Ли Сяньфу смотрел на него не мигая и что-то беззвучно шептал — судя по движению губ, что-то вроде «держись» или «будь сильным».

Глядя на Ли Сяньфу, который выглядел так, словно отправлялся на передовую, Цинь Цзинь впервые в жизни засомневался в собственной фигуре.

К счастью, труды не прошли даром, и на этот раз Ли Сяньфу быстро поймал нужное состояние.

Когда он рисовал, его губы были слегка сжаты, а взгляд то и дело задерживался на Цинь Цзине, словно на хрупком произведении искусства. Длинные ресницы слегка подрагивали, а рука с карандашом двигалась без остановки.

Ли Сяньфу мастерски владел игрой света и тени, поэтому ни к композиции, ни к прорисовке фигуры на холсте невозможно было придраться.

Как только он сосредоточился на работе и отвлекся от психологического дискомфорта, весь остальной мир для него перестал существовать. Остались лишь человек перед ним и рисунок на бумаге.

Предельная концентрация, страсть и едва заметное упрямство.

Цинь Цзинь вдруг вспомнил один момент из прошлого.

Ли Сяньфу заметил перемену в его лице и подумал, что тот устал:

— Ты можешь немного подвигаться.

— Сделать пару шагов тоже можно? — спросил Цинь Цзинь.

Ли Сяньфу на мгновение задумался:

— Пожалуй, нет.

— Каковы допустимые границы?

— Моргай, шевели губами... — к концу фразы Ли Сяньфу и сам понял, как нелепо это звучит.

На самом деле, мимику тоже лучше было не менять, но они уже заговорили друг с другом.

Цинь Цзинь прикрыл глаза, а когда открыл их, произнес:

— Продолжай.

И снова замер подобно изваянию.

В облике Цинь Цзиня крылась какая-то мрачная, бездонная красота. На рисунке Ли Сяньфу грань между реальностью и вымыслом почти стиралась: обугленное дерево росло на самом краю обрыва, а тяжелые грозовые тучи словно готовы были обрушиться вниз. Цинь Цзинь стоял у ствола, и половина его фигуры почти сливалась с этим морем облаков.

Оставшись доволен результатом, Ли Сяньфу помахал рукой, показывая, что закончил. Сначала он хотел подождать, пока Цинь Цзинь сам подойдет, но нетерпение взяло верх, и он сам поспешил к нему, разворачивая лист:

— Ну как?

Растрепавшиеся на ветру длинные волосы Ли Сяньфу задели шею Цинь Цзиня, вызвав легкую щекотку.

— Очень красиво, — Цинь Цзинь лишь мельком взглянул на рисунок, его внимание было приковано к самому Ли Сяньфу.

Ли Сяньфу поднял голову, и их взгляды встретились.

— У меня что-то на лице? — с любопытством спросил он.

— Глаза, — ответил Цинь Цзинь. — У тебя очень красивые глаза.

Ли Сяньфу слегка опешил. Точно такие же слова и с той же интонацией он когда-то говорил Ли Шаше, вот только тогда он описывал Цинь Цзиня.

На обратном пути между ними воцарилась странная, едва уловимая неловкость. Для Ли Сяньфу это было довольно непривычным ощущением.

У развилки дорог Цинь Цзинь, у которого, видимо, оставались незавершенные дела, свернул в другую сторону, а Ли Сяньфу решил вернуться к себе.

По пути он подумал, что не звонил домой уже несколько дней, и решил набрать номер. На звонок неожиданно ответил Ли Шаша. Его голос звучал совершенно безжизненно:

— Завтра меня забирают.

— М?

— В школу, — Ли Шаша говорил не так быстро, как обычно. Помолчав секунду, он спросил: — У тебя-то как дела? Все гладко?

— Произошел небольшой казус.

— Какой еще казус? — вяло поинтересовался Ли Шаша.

— Я предложил Цинь Цзиню стать моей моделью. Он разделся передо мной, после чего меня стошнило, и меня увезли на «скорой».

— ...

От автора:

Цинь Цзинь: Ну как, тебе нравится то, что ты видишь?

Ли Сяньфу: ...

Цинь Цзинь: Что с тобой?!

Ли Сяньфу: Кружится голова, тошнит, не могу дышать... Быстрее, вызывай «скорую»...

Ли Шаша крутанул кубик Рубика не в ту сторону, но тут же с бесстрастным лицом повернул обратно, упорно пытаясь найти самый короткий алгоритм сборки.

Под мерный стук граней кубика он спросил:

— И какое оправдание ты придумал?

Ли Сяньфу вздохнул:

— Боязнь обнаженного тела.

Немного помолчав, он добавил:

— Но это скорее психологическое расстройство, так что я пока не придумал, как объясню это, если меня начнут расспрашивать.

Сделав еще три поворота, Ли Шаша полностью собрал кубик. Он мазнул взглядом по лежащей на столе анкете для поступающих, которую за него услужливо заполнил кто-то другой, и опустил глаза на свои руки:

— Папа, не принимай близко к сердцу. У кого из нас нет детских травм, которые приходится залечивать всю оставшуюся жизнь?

— ...

Связь оборвалась без предупреждения: Ли Шаша просто повесил трубку.

В последнее время во всех телефонных разговорах Ли Сяньфу неизменно оказывался тем, перед кем вешали трубку. Он со вздохом покачал головой, но вскоре его внимание снова переключилось на окружающие пейзажи. Надо признать, старинная архитектура деревни заслуживала пристального внимания. Раньше Ли Сяньфу был слишком занят работой и любовался лишь дикой природой вокруг, совершенно упустив из виду местный колорит.

Возле одного из жилых домов он неожиданно столкнулся с Мо Ицзин. Девушка трудилась уже над четвертым наброском, по-видимому, собираясь выбрать лучший из них.

Ли Сяньфу поздоровался. Мо Ицзин приветливо улыбнулась:

— Закончил рисунок?

Он кивнул.

Заметив, что он стоит посреди узкой тропинки, Мо Ицзин виновато улыбнулась:

— Пропустишь меня?

Вид длинноволосого красавца, идущего вдоль грязной стены с граффити, создавал невероятно выразительный контраст. Мо Ицзин не удержалась от комментария:

— Если бы рисовать других участников конкурса не выглядело так странно, я бы непременно попросила тебя стать моей моделью.

В тот момент она и представить себе не могла, что кое-кто уже перешел на новый уровень и нанял в качестве натурщика самого спонсора.

Продолжая свой путь, Ли Сяньфу услышал, как она пробормотала себе под нос:

— Жаль только, что здесь так много громоотводов. Они портят весь вид.

Ли Сяньфу заметил это еще по прибытии, да и староста упоминал, что в этих краях часто случаются грозы. Скользя взглядом по узорам на стене, он о чем-то задумался и ускорил шаг.

Дом, в котором остановился Ли Сяньфу, был трехэтажным. Словно назло, стоило ему подойти к дверям, как с другой стороны показался судья Фан. Тот на ходу заправлял рубашку в брюки. Увидев Ли Сяньфу, он расплылся в слащавой улыбке:

— Уже поужинал?

Не желая тратить время на пустую болтовню, Ли Сяньфу указал пальцем на горло, после чего быстро набросал на листке бумаги, что у него пропал голос.

Тем самым он намекнул, чтобы от него отстали.

Судья Фан, привыкший ко всякого рода грязным делишкам, не собирался так просто отступить. Понизив голос, он заговорщически произнес:

— Я ведь уже говорил тебе: техника у тебя хорошая, но не хватает искры. Совсем не обязательно, что ты обойдешь Чжоу Паньбай.

На словах «совсем не обязательно» он сделал особый акцент.

Но тут же сменил тон, не теряя надежды:

— А я человек, ценящий таланты.

Ли Сяньфу лишь вежливо улыбнулся.

Судья Фан принял это за согласие, и его сердце взволнованно затрепетало.

<http://bllate.org/book/18300/1756961>